

5. ПАДЕНИЕ ДОНА

5.1. Смерть Каледина

После выдвижения Чернецова к Каменской, перед оставшимися добровольческими и «калединскими» частями со всей остротой встала проблема обороны Лихой и Зверева. 17 января поступили сведения, что на станции Гуково сосредотачиваются значительные силы красногвардейцев. В связи с чем, было принято решение направить к Звереву, в помощь выделенному ранее взводу, теперь уже весь состав 1-го Офицерского батальона. Однако выехать в тот же день не удалось, так как «Викжелем» была объявлена забастовка, во исполнение которой машинисты отказались вести эшелон и скрылись. Розыски их ни к чему не привели. Среди офицеров батальона оказались вызвавшие стать на паровоз, утверждающие, что в общих чертах с техникой его управления знакомы.

18 января батальон прибыл на станцию Звереву, выгрузился и выставил охранение фронтом на запад. В станционных помещениях были найдены и оприходованы полушубки, а также два ручных пулемёта и взрывчатка, принятая поначалу за пресованный чай.

Во второй половине дня 19 января 2-я рота штабс-капитана Добронравова, насчитывавшая до 35 человек, получила задачу ночным налётом захватить станцию Гуково. Однако в результате предательства телеграфиста, сообщившего о выдвижении роты, она попала в засаду и была практически уничтожена. Из 35 офицеров назад вернулись только 7. Пойманный с поличным телеграфист был расстрелян.

Несмотря на неудачу, в ночь на 21 января была предпринята новая попытка выбить советские части из Гуково. Для этой цели из состава батальона была выделена команда в 94 штыка при одном пулемёте под началом подполковника Плохинского. Одновременно с тыла должна была зайти Донская офицерская дружина. В 22 часа команда выступила вдоль железнодорожного полотна, транспортируя пулемёт на дрезине, и около 3 часов ночи подошла к станции. Несмотря на выставленное охранение,

атака для красногвардейцев оказалась полной неожиданностью. Они были смяты в штыковом бою и обратились в бегство. Из трёх, бывших на станции эшелонов, смог уйти лишь один. Но и тот, вырвавшись со станции, был обстрелян офицерской дружиной.

Группа Плохинского недосчиталась свыше четверти личного состава. Было убито 7 и ранено 20 человек. Противник потерял, конечно, в несколько раз больше. Были захвачены 13 пулемётов, большое количество винтовок и патронов, полевые кухни с продовольствием и несколько десятков пленных. По их показаниям определили место захоронения погибших из роты Добронравова, включая и самого штабс-капитана. На телах были обнаружены следы пыток и пленных тут же расстреляли.

К полудню 22 января, сдав станцию под охрану Донской офицерской дружины³⁷¹, группа, захватив трофеи, проследовала назад в Зверево. Здесь выяснилось, что получен приказ о направлении батальона в Ростов. Едва в эшелон погрузились командир батальона полковник Борисов и остававшиеся офицеры, состав тут же направился в сторону Новочеркаска. Выгрузив на перроне своих погибших и оставив в городе взвод для их погребения и отдания воинских почестей, батальон незамедлительно проследовал в Ростов. 23 января к нему присоединилась также отошедшая от Лихой и Зверево 4-я Офицерская рота, добровольцы которой влились в состав 2-й роты батальона³⁷².

С уходом добровольцев их позиции занимали донские партизаны. 22 января в Гуково прибыла 2-я сотня³⁷³ партизанского отряда Э.Ф. Семилетова под командованием сотника Бокова. В ночь на 23 января в сторону ст. Должанской, которую по полученным сведениям занимали шахтёры-красногвардейцы, был выслан на разведку взвод кадет с пулемётом. Взвод выдвинул-

³⁷¹ В Дружине из 200 человек офицеров было не более 20. Остальные – местная молодёжь и казаки-добровольцы старших возрастов.

³⁷² В.Е. Павлов утверждает, что 4-я Офицерская рота оставалась в районе Лихая – Зверево вплоть до 28 января. По-видимому, он всё же ошибается. К этому времени отряды Саблина не только прочно заняли Зверево, но и продвинулись к Сулину, что делало эвакуацию 4-й роты от Лихой в Ростов невозможной.

³⁷³ 2-я сотня Семилетова была сформирована в Новочеркасске в начале января. Основу её составила учащаяся молодёжь, кадеты Донского корпуса.

ся на паровозе на ближайшую соседнюю станцию и, никого на ней не обнаружив, вернулся назад.

Перед рассветом эшелон 2-й сотни «семилетовцев» проследовал от Гуково в западном направлении. Едва рассвело, Боков выделил несколько человек в дозоры, которые пошли вперёд. За ними, в полукилометре медленно продвигался состав. В какой-то момент, восточнее станции Должанской патрули были обстреляны противником. Эшелон стал. Партизаны выстроились на насыпи и, развернувшись, широкой цепью двинулись навстречу противнику. Однако, разыгравшаяся метель, не позволила сблизиться с красногвардейцами. На дистанции в 800 и более шагов завязалась перестрелка. Два семилетовских орудия на открытых платформах постреливали изредка, посылая редкие снаряды над головами кадет. Действенность огня определить было невозможно из-за складок местности и хлопьями валившего снега. Большевиков было больше в разы, огонь их куда интенсивнее. Сотня, для которой бой под Должанской стал боевым крещением, несла от него чувствительные потери. Сказалось и отсутствие боевого опыта и спайки. Сотня распалась на отдельные изолированные группы, действовавшие по своей инициативе и сами по себе. Несмотря на все усилия Бокова, находившегося с карабином в цепи, управление было нарушено.

В таких условиях атаковать было невозможно, оставаться на месте – бессмысленно. Боков приказал отступать к эшелону. Однако приказ этот успели получить далеко не все. Рейд и первый бой 2-й Семилетовской сотни как начались неудачно, так неудачей и закончились³⁷⁴. В то время как большинство «семилетовцев» уже грузились в эшелон, из заснеженной степи и редкого перелеска всё продолжали подходить отставшие и легкораненые. Тем временем красногвардейцы успели охватить состав с обоих флангов и продолжали вести интенсивный ружейный огонь. Пули начали бить по рельсам, телеграфным столбам, выгонам, находя новые жертвы. Бокову приходилось

³⁷⁴ Ещё в Новочеркасске при раздаче оружия офицер, объяснявший кадету, как обращаться с трофейной японской винтовкой, произвёл случайный выстрел, ставший роковым. Офицер пытался тут же застрелиться, но его удержали.

высылать из эшелона партизан, которые залегали у насыпи и залпами сдерживали подходивших всё ближе красногвардейцев. Раз за разом подавалась команда: «По вагонам», которая тут же сменялась другой: «Отставить! Продолжать стрельбу».

В последний момент эшелон тронулся и под градом пуль успел проскочить на юг. В итоге сотня не вынесла с поля боя не только ни одного убитого, но и многих раненых. Моральный урон был не меньшим. Несчастливая перестрелка под Должанской вряд ли способствовала поднятию боевого духа партизан. И всё же выдвижение к Должанской не оказалось бессмысленным и бесполезным. Его вполне можно считать разведкой боем, во многом выявившей силы и намерения противника.

Становилось очевидным, что значительные советские отряды в ближайшие дни вновь начнут продвигаться к Лихой и Звереву. С занятием этих станций Каменская группа оставалась отрезанной, но главное, большевики выходили на магистраль Чертково–Ростов и получали возможность продвигаться непосредственно к Новочеркасску по кратчайшему расстоянию. Понимал это Саблин, понимали и «калединцы». Навстречу направлялись силы, куда более боеспособные, чем только что сформированная 2-я Семилетовская сотня. Других под рукой у Каледина уже и не было...

В. Курочкин

На рассвете 26 января 1-я сотня «чернецовцев» под командованием оправившегося *сотника* В. Курочкина³⁷⁵ выдвинулась в эшелоне из Звереву в сторону Гуково. Как и всегда состав был непомерно растянут. В целях психологического давления на противника два выставленных по концам паровоза тянули до 70 вагонов. Большинство из них были пусты. Эшелон продвигался вперёд медленно и осторожно, так как высланная ранее разведка определён-

³⁷⁵ Различные источники называют Василия Курочкина, как поручиком, так и сотником. В связи с этим резонно предположить, что он был всё же не донским, а армейским офицером, добровольно присоединившимся к Чернецову при формировании отряда. Вопрос, конечно, остаётся открытым.

ных сведений о противнике добыть не сумела. Предполагалось, что красногвардейцы концентрируются на участке железной дороги восточнее станции Провальное и заняли уже Гуково.

В 7 часов на подходе к станции Заповедное (11 километров от Звереве в сторону Гуково) состав неожиданно подвергся сильному артиллерийскому обстрелу³⁷⁶. Курочкин, посчитавший, что Заповедное только лишь занимается противником, принял решение выгрузиться, атаковать и на плечах красногвардейцев ворваться на станцию. Сведениями о численном составе противника он не располагал, считалось, что в авангарде советских отрядов обычно находится до тысячи штыков. Опыт предшествующих боёв позволял Курочкину рассчитывать, что сотня, как и под Лихой, сумеет опрокинуть противника и заставит его отступить. Однако на этот раз всё сложилось иначе. Под Заповедным партизаны встретились с основными силами Саблина, осторожно продвигавшимися на запад для занятия Лихой и Звереве. На станцию подтягивались Выборгский и Коломненский отряды Петроградской Красной гвардии (2-й Петроградский отряд), 1-й полк московских красногвардейцев, Кинешмо-Костромской революционный отряд, сводная конная группа, а также, прибывший накануне из Севастополя отряд черноморских моряков Мокроусова и Харьковский артиллерийский дивизион. Всего до 3000 штыков, 150 сабель, при 8-ми орудиях, нескольких десятках пулемётов, бронепоезде, бронеплощадке и бронеавтомобиле.

В составе 1-й сотни насчитывалось 165 партизан при 4-х пулемётах и одном, установленном на платформе впереди эшелона, орудии³⁷⁷.

³⁷⁶ Описание боя 1-й Чернецовской сотни приводится в статье А. Ленинова «Чернецовские партизаны в бою у ст. «Заповедное» – 26 января 1918 г.», опубликованной в периодическом издании казачьей эмиграции «Вольное казачество» в 1936 г.

³⁷⁷ А. Ленинов утверждает, что в бою приняло участие орудие штабс-капитана А.А. Шперлинга, но, думается, он ошибается. Во-первых, в этот же день 26 января «броневик» Шперлинга принимал участие в перестрелке у разъезда Погорелово севернее Каменской. Но, главное, в воспоминаниях марковцы-артиллеристы ни словом не упоминают о своём участии в бою под Заповедным. Можно предположить, что, если орудие и было, то одной из дон-

Тем не менее, единственным способом остановить противника было нанесение ему решительного поражения. Курочкин подал команду, сотня выстроилась у эшелона и, в колонне по два, двинулась вперёд. Обогнув тянувшийся вдоль железнодорожного полотна забор, партизаны вышли в поле развернулись в цепь. 1-й и 2-й взводы двигались с левой стороны от железной дороги, 3-й и 4-й – с правой. Сам Курочкин с 5-м взводом двигался, чуть отставая, непосредственно по железнодорожному полотну. От эшелона отделилась платформа с орудием и следовала позади партизанской цепи, отвечая нечастыми выстрелами на усиливающийся огонь советских батарей.

Навстречу уже разворачивались две густые цепи красногвардейцев. «Чернецовцы» шли, как и всегда, в рост. Соблюдая интервалы в цепи, не стреляя, держа винтовки на ремне. Не идя на сближение большевистские цепи вдруг начали отходить к станции. Партизаны устремились вперёд, но тут же с левого фланга их атаковали прятавшиеся до поры на сенном базу матросы Мокроусова. 1-й взвод семинаристов³⁷⁸ принял штыковой бой, из которого вышел победителем.

Тем временем красногвардейцы развернули третью цепь и сами атаковали сотню. Проваливаясь по колено в глубоком снегу, противники медленно, растрачивая последние силы, сближались друг с другом. Наконец, залегли в изнеможении. Завязалась перестрелка. Раненый в плечо Курочкин, опираясь на двух ординарцев, продолжал руководить боем.

Перекрывая грохот канонады, над полем вдруг пронёсся, перекатываясь от взвода к взводу припев «Журавля»³⁷⁹:

– Журавель наш, журавель,

ских батарей, обслуживаемое либо казаками-добровольцами, либо самими «чернецовцами». Не удивительно, что А. Ленивов, спустя 18 лет после описываемых событий, упоминает Шперлинга. То, что именно его орудие успешно поддерживало «чернецовцев», было известно всем. Но 26 января всё же поддерживало под Каменской.

³⁷⁸ Партизан-семинаристов называли на Дону «Иисусовой пехотой».

³⁷⁹ Чернецовцы во время боя, подбадривая себя перед атакой, запевали ранее, а иногда и тут же сочинённые нехитрые куплеты с неизменным припевом на мотив популярного музыкального произведения. У них переняли «Журавля» и юнкера 1-й батареи.

Чернецовский журавель...

Цепь подобралась, по всему фронту её грянуло «Ура!», партизаны вскочили и с винтовками наперевес бросились в штыки. Поражённые красногвардейцы стали отходить к станции. Лишь в центре отличавшиеся стойкостью «костромичи» оказали упорное сопротивление. При этом второе ранение, на этот раз в голову, получил Курочкин, оставшийся, тем не менее, в строю. Преследуя отступающего противника, сотня подходила уже к вокзальному забору. Однако от станции вышли блиндированный поезд и бронеплощадка. Врезавшись в боевые порядки «чернецовцев», они открыли огонь из орудий и пулемётов в упор. Особенно грозно выглядел вооружённый тремя дальнобойными морскими орудиями «Черномор». В считанные минуты его комендоры накрыли огнём и повредили бронеплощадку партизан. Единственное «чернецовское» орудие замолчало.

Партизанская цепь подалась назад. Но 5-й взвод, не успевший отступить, никем не замеченный, скопился в балке, возле железнодорожного полотна. Советский бронепоезд, продвигавшийся по правой колее, остановился как раз напротив. Из балки выскочил партизан, взобрался на тендер и успел бросить гранату в будку машиниста. Тут же он был застрелен, но остальные 12 человек 5-го взвода залегли у бронепоезда и, находясь в «мёртвой зоне», начали обстреливать состав. И «Черномор» с бронелетучкой дали задний ход, и отошли на станцию.

Бой не прекращался ни на минуту. Под огнём к цепи «чернецовцев» вышел с белым флагом парламентёр-латыш и предложил прекратить огонь и вынести раненых. Офицер-«чернецовец», командир одного из взводов, жестом дал ему понять, что переговоров не будет. Тут же парламентёр был застрелен кем-то из партизан.

Получившего третье ранение Курочкина четверо ординарцев несли на скрещенных на плечах винтовках. Но не назад, к эшелону, а вперёд! На сотника было страшно смотреть, губы его почернели, бурые пятна проступали из-под наспех наложенных бинтов. Находясь в полузабытьи, он продолжал командовать

сотней и когда приходил в себя, повторял всё тот же приказ: «Вперёд!»

Увлекаемые немногими оставшимися в живых своими офицерами, «чернецовцы» устремились в последнюю атаку. Оставалось их до сотни штыков, остальные, убитые и раненые, легли в заснеженной степи. Партизанам удалось опрокинуть передовую цепь красногвардейцев и ворваться на пригорок перед станцией, но за возвышенностью разворачивались сразу три цепи большевиков, многие сотни свежих бойцов. А от станции подходили всё новые колонны. После секундного замешательства «чернецовцы» вновь устремились вперед. Был момент, когда цепи красногвардейцев заколебались и, не выдержав, стали откатываться к станции, но подавляющее численное превосходство и своевременный обходной манёвр решили исход боя.

На правом фланге появилась вдруг немногочисленная советская кавалерия, выжидавшая лишь момент, чтобы устремиться к эшелону. От Александровско-Грушёвского шляха заходила прямо в тыл колонна матросов, выбросившая далеко впереди себя густую стрелковую цепь с броневиком. Навстречу вышла разведка из пяти(!) партизан.

– Стой! Кто такие? – окликнули разведчиков из цепи.

– Мы – «чернецовцы»!

– А мы – черноморцы, крикнули из цепи.

Грянул залп. Два партизана повалились замертво, остальные трое, отстреливаясь, отходили к эшелону. Задержать матросов они, конечно, были не в состоянии.

Перспектива быть отрезанной от эшелона и уничтоженной без остатка вынудила поредевшую «чернецовскую» цепь к отступлению. Оставшиеся в живых партизаны, цепляясь за каждый пригорок и непрерывно отстреливаясь, медленно отходили к своему составу. Пять красногвардейских цепей, охватив с обоих флангов, прижимали их к железнодорожному полотну. Выдвигавшиеся вновь советские блиндированные поезда производили один артиллерийский выстрел за другим. Разрывы то и дело накрывали остатки погибающей 1-й сотни, но она продолжала сражаться. Уже на подходе её к стоявшему под парами эшелону

красногвардейцы рывком приблизились на расстояние до ста шагов. Казалось, развязка близка. Однако, в этот момент из вагонов был открыт сильный винтовочный огонь. Стреляли многочисленные раненые, стреляла паровозная команда и даже медицинский персонал. Не столько действенность недружных залпов, сколько эффект неожиданности заставили красногвардейцев остановиться и залечь. Их минутное замешательство позволило остаткам 1-й сотни погрузиться. Эшелон тут же тронулся с места и, набирая ход, провожаемый артиллерийскими выстрелами противника, выскочил, наконец, из окружения и проследовал в направлении на Зверево. Не надеясь удержать станцию силами нескольких десятков остающихся в строю штыков, «чернецовцы» в тот же день оставили Зверево и отошли к Сулину, взорвав перед посёлком железнодорожный мост.

Из 165 партизан 1-й сотни, вышедших в поле в атаку на ст. Заповедное, погибли в бою 39 человек, ранения различной степени тяжести получили 68 человек (в том числе, тяжело ранен был командир сотни сотник Курочкин), контужено было пятеро. Итого – 112 человек, или 70 % личного состава...

9-часовой встречный бой под ст. Заповедное, в котором удача склонялась попеременно то на одну, то на другую сторону, был проигран 1-й Чернецовской сотней по одной лишь причине: подавляющего численного превосходства противника. Бой под Заповедным, незаслуженно забытый³⁸⁰, по накалу, по мас-

³⁸⁰ Автор вынужден признаться вот в чём. Когда он впервые ознакомился с содержанием статьи А. Ленинова, описанные в ней события не показались ему безусловно исторически достоверными. Настораживали нескрываемые симпатии, излишне эмоциональный стиль повествования. Ещё большие сомнения вызывало то, что другие упоминания о бое под Заповедным как-то не находились. Сомнительным выглядела и способность по существу усиленной роты в течение 9(!) часов вести бой со стрелковой бригадой, поддержанной многочисленной артиллерией и бронепоездами. Причём, вести его с переменным успехом, когда удача, казалось бы, предопределённая изначально, то и дело склонялась то на одну, то на другую сторону...

В то же время, факт разгрома красногвардейцев под Лихой, произведённого приблизительно такими же силами «чернецовцев», косвенно подтверждал, что нечто подобное могло случиться в другое время и на другом участке «внутреннего» фронта.

И всё же, для того, чтобы относиться к описанному Лениновым боестолкновению, как к реальным событиям, необходимо было хотя бы ещё одно его

штабу, по последствиям вполне сопоставим с такими яркими эпизодами боевого пути Чернецовского отряда, как налёт на Дебальцево, занятие Лихой и неудача под Глубокой...

И всё же это было поражение, и поражение решающее. Оно завершило наметившийся под Глубокой перелом и повлекло за собой самые негативные последствия. Единственная сила, защищавшая ещё Войсковое правительство, Чернецовский партизанский отряд, был разгромлен, рассечён надвое и на 2/3 уничтожен. Лазарев оказался изолированным, оставление Каменской оставалось лишь делом времени. Остатки «чернецовцев» и наспех собранные дружины и «отряды», все вместе насчитывавшие в своём составе не более двух-трёх сотен штыков, остановить Саблина и защитить Новочеркасск не могли. Вопрос об оставлении добровольцами Дона был решён Корниловым окончательно и бесповоротно.

И ещё. Думается, именно получив известия о бое под Заповедным, Каледин понял, что дело его проиграно и психологически был уже готов принять последнее в его жизни решение...

документальное подтверждение. И оно, на взгляд автора, обнаружилось. Вот что пишет в своих «Записках» Антонов-Овсеенко:

«29 января Саблин сообщил официально: «...26 января с утра бой начался на правом фланге, где наши отряды продолжали продвигаться к Звереву, встречая сильное сопротивление противника. К 3-м часам дня, когда была занята ст. Заповедная и введены в дело все резервы, наша обходная колонна, заняв ст. Черевково, в 10-ти верстах южнее Звереву, заставила противника оставить станцию и отступить на юг. Отсутствие у нашей обходной колонны артиллерии, подрывного материала и быстрота отступления противника не дали возможности захватить его эшелоны, которые успели проскользнуть на юг, обстрелянные с обеих сторон железной дороги пулемётным и оружием огнём и понеся крупные потери. К 6-ти часам вечера наши войска вступили на ст. Звереву...»

И ещё один аргумент. Саблин, заняв Лихую, Звереву и выйдя 28 января к Сулину, имел, казалось, все возможности ускоренными темпами двигаться к Новочеркаску. Однако действовал он более чем осторожно, и даже не попытался занять столицу Дона до 4(17) февраля. Не потому ли, что под Заповедным 1-я Чернецовская сотня оказала ему столь отчаянное сопротивление, что приходилось считаться с возможностью того, что ещё одной *такой* атаки красногвардейцы и стрелки могут просто не выдержать?..

Всё это требует, конечно, уточнения и куда более серьёзного изучения. Но на то и существует история. Проходит время, она сама задаёт себе вопросы и рано или поздно на них отвечает. Хотелось бы, чтобы пораньше...

В то же время, несмотря ни на что, несмотря на разгром, на поражение и отступление 1-я сотня «чернецовцев» не ударила напоследок лицом в грязь. Моральное превосходство над многократно превосходящим противником было очевидным. У непредвзятого читателя не может не вызвать восхищения искренний порыв этих юношей, юнкеров, кадет, реалистов, семинаристов. Порыв, подтверждённый действием и готовностью к самопожертвованию. Они в свои 20, 18, 16 лет легли в степи и были наспех захоронены победителями в братских могилах, место которых вряд ли известно. Их жизнь, отданная за правое, в чём были они уверены, дело, оборвалась в самом начале, не успев войти в пору зрелости. И всё же было в ней такое, столь яркий и светлый эпизод, о котором подавляющему большинству из нас остаётся только мечтать...

Борьба на Новочеркасском фронте, между тем, ещё не была окончена.

В тот же день 26 января командир 1-й Юнкерской батареи подполковник Миончинский прибыл в Новочеркасск с шестью казачьими орудиями, захваченными на х. Астахов. Оставлены для батареи были четыре орудия, а два сданы в Донской запасный артдивизион за неисправностью. Была произведена новая разбивка расчётов. Принимали и новых добровольцев. Пополнившись несколькими десятками гимназистов и реалистов, заменившими взвод охраны, теперь уже 4-х орудийная батарея 29 января проследовала в эшелоне в северном направлении. Миончинский, видимо, ещё рассчитывал оказать помощь остаткам Чернецовского отряда и донским партизанам, сумевшим восстановить фронт под Сулином, а возможно даже, и перехватить утраченную инициативу. Однако на станции Шахтной батарею догнал приказ немедленно возвращаться в Ростов, что и было незамедлительно исполнено.

Едва подтвердились известия о поражении и смерти Чернецова, добровольческие подразделения стали стягиваться к Ростову. К концу января Корнилов уже принял решение. 26 января Каледин собирал расширенное совещание Войскового правительства и членов Круга. Были приглашены и Алексе-

ев с Корниловым, однако оба сослались на занятость и на совещание не прибыли. От Добровольческой армии присутствовал генерал Лукомский. Члены Круга, совершавшие объезд занятых округов, сообщили, что поднять казаков на отпор советским войскам уже невозможно. Со своей стороны Лукомский заявил, что Армия Дону помочь не может, так как сама нуждается в помощи. И обратился с просьбой отправить в Ростов, всё ещё находившийся в Новочеркаске взвод 1-го Офицерского батальона. Падение Донской столицы в этих условиях представлялось неизбежным. Последовало предложение Правительству оставить Новочеркасск и перейти в одну из станиц, однако Каледин наотрез отказался.

После занятия Лихой и Зверев³⁸¹ Саблин осторожно, не торопясь и с оглядкой продвигался к югу. Спротивление «калединцев» ослабевало. Они лишь отходили, взрывая мосты и железнодорожное полотно.

Однако, на этот раз Антонов-Овсеенко, наученный горьким опытом и желающий действовать только наверняка, не торопил Саблина. Более того, по совету Сырцова, в ещё меньшей степени осведомлённого о настроениях расходившихся по домам станичников, Донревком объявил 22 января мобилизацию казаков. Из этой затеи, конечно же, ничего не вышло, однако Подтёлков сразу же затребовал для её обеспечения 10000 комплектов обмундирования и вооружения, а также два вагона с боеприпасами.

Из Петрограда пришёл запрос о желательности направления в Область 1-го, 4-го и 14-го Донских полков. В Донревкоме с энтузиазмом поддержали это предложение и немедленно выслали делегацию для вывода полков на Дон. Ещё и 28 января Сырцов сообщал из Миллерово: «Звереву, Саблину – Дебальцево. Недостаток сил мешает занять Каменское. Мобилизация не оправдала надежды. Ждём казачьи полки из Петрограда. Чрезвычайно важно кончить (4)17 февраля, к открытию Войскового круга».

³⁸¹ Обе станции были заняты в течение 26 января. К этому времени Саблин, чьи отряды вынесли всю тяжесть январских боёв, был назначен «командующим на Новочеркасском направлении», что весьма уязвило Петрова.

Между тем отряд Мокроусова, несмотря на взорванный 28 января перед посёлком мост, уже 29 января занял посёлок и станцию Сулин. К этому времени к Саблину были направлены новые резервы: отряд кронштадтцев³⁸² во главе с «главнокомандующим» Каллисом и комиссаром-анархистом Ярчуком и подразделения 435-го полка.

Но и без того агония Донского фронта достигла своего апогея, а положение Каледина становилось безвыходным. И определялось оно не столько выходом советских войск на ближние подступы к Новочеркасску, не столько даже гибелью Чернецова, сколько окончательным отходом Донского казачества от своего правительства. Последняя попытка что-то изменить, связанная с переформированием казачьих полков, в которых были оставлены на службе лишь четыре младших возраста, с мобилизацией офицеров и с организацией партизанских и добровольческих казачьих частей, также ни к чему не привела. Дон не откликнулся.

28 января Атаман Каледин обратился к казакам с последним призывом:

«Граждане казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью Казачеству, я, ваш Войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом – может быть, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красногвардейцев, наёмных солдат, латышей и пленных немцев, направляемых правительством Ленина и Троцкого. Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станции Каменской, и станциям Звереву и Лихой. Железная дорога от Глубокой до Чертково в руках большевиков.

Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и, в союзе с вторгшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами, сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красно-

³⁸² Прибыв в Харьков, анархисты сразу же потребовали выдать каждому по револьверу и придать отряду батарею и пулемётную команду. Лишь пристыженные упрёком Антонова-Овсенко в недостаточно сознательном отношении к делу и обстановке, балтийцы выдвинулись на фронт.

гвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе, вернувшиеся с фронта полки в союзе с бандой красногвардейцев из Царицына, произвели полный разгром на 108 линии железной дороги Царицын-Себряково, прекратив всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

В слободе Михайловке, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, причем погибло, по слухам, до 80-ти одних офицеров.

Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение. Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского Края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого реформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на службе только четырех младших возрастов, Войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед Родным Краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение и других частей нашей Области – главным образом, учащейся молодежи – для образования партизанских отрядов.

Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежи, беззаветно отдающей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах, части Области. Ростов прикрывается частями особой Добровольческой организации.

Поставленная себе Войсковым Правительством задача – довести управление Областью до созыва и работы ближайшего (4(17) февраля) Войскового Круга и Съезда неказачьего населения – выполняется указанными силами, но их незначительное число и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки

не придут немедленно в составы добровольческих частей, формируемых Войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка, и если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников – изменников долга перед Доном, то спешите на поддержку Войсковому правительству посылкой казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство – тяжёлый долг. Я остаюсь на посту по глубокому убеждению в необходимости сдать пост, при настоящих обстоятельствах, только перед Кругом.

28 января 1918 года Войсковой атаман Каледин»

В ту же ночь Атаман получил от Корнилова телеграмму, в которой генерал сообщал, что Добровольческая армия покидает Ростов. Был разработан план захвата станции Тихорецкая и уже подготовлены для этой цели эшелоны, которым так и не суждено было двинуться к цели.

Всё для атаманской власти было кончено. И нагляднее всего об этом свидетельствовал тот факт, что снялась и рассеялась казачья наружная охрана Дворца. Лишь продолжал сидеть на входе дежурный офицер.

К 9 часам утра 29 января по приглашению Атамана на экстренное заседание прибыли члены Объединённого правительства. Уже не в полном составе. Помимо самого Каледина и Богаевского от казачьей части правительства присутствовали Мельников, Елатонцев, Епифанов, Карев, Агеев и из Войсковых есаулов – Янов. От неказачьей – Светозаров, Шошников и эмиссар Брыкин.

Каледин в краткой форме доложил обстановку:

– В моём распоряжении, – говорил он, – находится 100–150 штыков, которые и сдерживают большевиков на Персияновском направлении. Перед вашим приходом я получил сведения от приехавшего помещика, что сильная колонна красной кавалерии, по-видимому, обойдя Добровольческую армию, движет-

ся по направлению к станице Грушевской³⁸³. От генерала Корнилова мною получена телеграмма, извещающая о его намерении покинуть г. Ростов и, ввиду этого его настоятельная просьба срочно отправить офицерский батальон с Персияновского фронта в его распоряжение. Дальше, как видите, борьба невозможна. Только лишние жертвы и напрасно пролитая кровь. Прихода большевиков в Новочеркасск можно ожидать с часу на час. Моё имя, как говорят, «одиозно»... Я решил сложить свои полномочия, что предлагаю сделать и правительству. Предлагаю высказаться, но прошу, как можно короче. Разговоров было и так достаточно. Проговорили Россию...

Обсуждали недолго. Богаевский заявил о том, что и он слагает свои полномочия и предполагает, что со стороны членов Правительства возражений по поводу сложения своих полномочий также не последует. Возражений не последовало. Паритетное Донское правительство перестало существовать.

На повестку дня встал вопрос, кто будет правопреемником. После краткого обмена мнениями решили передать власть Городской Думе, совместно с «демократическими организациями», которые, как предполагалось, возьмут на себя защиту раненых и вообще граждан города перед большевиками.

Каледин заявил, что устраивает перерыв, так как ему необходимо выехать в город. Помимо прочих дел, он заехал в штаб Походного атамана, где продиктовал начальнику штаба полковнику В.И. Сидорину свой последний приказ:

«Части Добровольческой армии сосредоточиваются в районе города Ростова. Перед Донскими партизанами на Сулинском фронте встаёт роковая необходимость стрелять в своих же донских казаков... Это недопустимо ни при каких условиях. Объявите моё приказание, что каждый партизан, каждый отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто из них хочет, может присоединиться к Добровольческой армии, кто хочет, может перейти на положение обывателя и скрывается. Этим

³⁸³ Назаровым были высланы в сторону Грушевской конные разведчики, которые, вернувшись уже после самоубийства Каледина, доложили, что за кавалерию противника была принята толпа беженцев из-под Ростова и гурты скота.

я открываю фронт с единственной целью: не подвергать город всем ужасам гражданской войны».

Между тем во Дворце доктор Брыкин высказал предположение, что Атаман может покончить жизнь самоубийством. Тут же решено было послать в штаб Походного атамана Войскового есаула Янова с целью «организовать спасение Атамана хотя бы и против его воли».

Узнав о происшедшем, Походный атаман генерал А.М. Назаров, начальник походного штаба полковник В.И. Сидорин и начальник Новочеркасского юнкерского училища П.Х. Попов выразили солидарное мнение, что передачу власти Атаманом и Донским правительством городской Думе и любому «Комитету» они считают недопустимой, так как власть немедленно попадёт в руки местных большевиков, что приведёт к резне.

– Передайте Атаману, что мы считаем такую передачу невозможной, – заявил Назаров.

Вместе с тем, было решено вывезти, если понадобится, то и силой, Каледина из Новочеркасска. Эта задача возлагалась на случайно оказавшегося в штабе командира только что сформированного офицерского конного отряда полковника Каргальского, которому было предложено прибыть с отрядом во Дворец и действовать по обстановке.

Когда Каледин прибыл в Атаманский дворец, Янов доложил ему о мнении Штаба и заявлении Назарова. Каледин лишь махнул рукой и высказался в том смысле, что это их дело, а он своё решение уже принял...

После мало что значивших фраз было решено к 16 часам собрать совместное заседание правительства и городской Думы, для передачи последней власти и окончательно к тому времени отредактированного акта. Все встали и начали прощаться с сохранявшим полное спокойствие Калединым. В это время кто-то из казачьей части правительства вполголоса обратился к Войсковому есаулу Янову с просьбой поднять как-нибудь вопрос о выделении средств для представителей неказачьей части, многие из которых приезжие.

Каледин заметил перешёптывания и резко спросил от стола:

– В чём дело?

Янов пояснил.

– Денег у меня нет... – бросил жёстко Каледин и добавил вдруг. – Надоело...

И поднялся к себе.

Все расходились. Богаевский передал Янову 14 тысяч рублей, которые тот вручил в вестибюле Светозарову. Не успел Светозаров уйти, как с верхнего этажа по лестнице нелепыми прыжками, с криками: «Доктора.. сердце ещё бьётся...» спускался Е.П. Молдавский. Никто не слышал не то, что выстрела, но даже и хлопка, и не понимал, что случилось.

– Алексей Максимович застрелился, – зарыдав, проговорил Молдавский.

Через несколько мгновений все, включая ординарцев, столпились у маленькой комнатки, рядом с кабинетом Атамана. Комната была вся в дыму. У окна не мог сдержать рыданий Карев. У кровати – жена Каледина, Мария Петровна...

На походной кровати, со сложенными на груди руками, лежал вытянувшись, будто во фрунт, Атаман войска Донского Алексей Максимович Каледин. Рядом с ним «кольт». На спинке стула аккуратно повешенный френч. На столике часы-браслет...

Богаевский приблизился и с робкой надеждой приник к груди Атамана. Сердце уже не билось...

Почти наверняка, он совершал ошибки. Как и все. Но зато шёл по раз и навсегда избранному пути и избегал крутых поворотов. И личной выгоды при этом не искал.

Весьма вероятно, он мог бы скрыться или даже уйти с добровольцами. Мог... Но тогда это был бы другой человек, а никак не Каледин.

Утверждают, что со смертью Каледина ушла и его эпоха. Думается, это не совсем так. Калединская эпоха пережила человека, давшего ей своё имя, на десяток безнадежных дней. Хотя бы уже потому, что его преемник, в силу создавшейся ситуации, в той или иной форме, неизбежно вынужден был продолжать все начинания покойного Атамана. И, прежде всего, защищать вверенную ему Область.